

**СЮЖЕТ ПУШКИНСКОГО «ДЕМОНА»  
В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»**

В повести Н.В. Гоголя «Портрет» есть удивительный по силе эпизод, когда художник Чартков, вернувшийся из Академии художеств, застывает, «неподвижный и бесчувственный», в своей мастерской. Традиционная для гоголевской поэтики «немая сцена» вызвана в данном случае потрясением героя от созерцания «божественного» творения одного русского художника, усовершенствовавшего свое мастерство в Италии. Красноречивым свидетельством гениальности представленного живописного полотна является состояние зрителей: «Невольные слезы готовы были показаться по лицам посетителей, окруживших картину» [1]. Безусловно, это слезы умиления, которые могут быть вызваны, по мнению Гоголя, созерцанием только подлинного произведения искусства. За этим неизменно должен последовать процесс очищения и преображения человеческой души.

Чартков как бы поддается общему впечатлению, хотя для него подлинный эффект картины обнаруживается несколько позднее, по возвращении домой: «Весь состав, вся жизнь его была разбужена в одно мгновение, как будто молодость возвратилась к нему, как будто потухшие искры таланта вспыхнули снова. С очей его вдруг слетела повязка» (III, 92). Перед глазами застывшего в неподвижности художника проносится вся его жизнь, он как бы возвращается к истокам, переосмысляет свое прошлое и пробует начать все заново: «Боже! И погубить так безжалостно лучшие годы своей юности; истребить, погасить искру огня, может быть теплившегося в груди, может быть, развившегося бы теперь в величии и красоте, может быть, также исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности! И погубить все это, погубить без всякой жалости! Казалось, как будто в эту минуту разом и вдруг ожили в душе его те напряжения и порывы, которые некогда были ему знакомы. Он схватил кисть и приблизился к холсту» (там же). Не случайно в сознании художника рождается замысел создания образа «отпавшего ангела», так как «эта идея была более всего согласна с состоянием его души». И здесь мы обнаруживаем перекличку с сюжетом пушкинского стихотворения «Демон» (1823), которое многое может прояснить из трагической и загадочной судьбы художника Чарткова.

Пушкин замысел данного стихотворения объяснял критике следующим образом: «В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души». Поэт делал акцент на том, что вслед за Гете, он «хотел в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оного на нравственность...» [2]. Именно этот «дух отрицания», «дух сомнения», представ в образе проклятого ростовщика с портрета, и погубил художника Чарткова.

Уже спустя некоторое время после покупки таинственного портрета герой гоголевской повести испытывает что-то подобное прозрению: «нет ли здесь какой-нибудь тайной связи с его судьбою; не связано ли существование портрета с его собственным существованием, и само приобретение его не есть ли уже какое-то предопределение?» (III, 77). Гоголь заостряет намеченный Пушкиным конфликт,

намеренно представляя его как столкновение художника и демона и делая акцент на фаталистической заданности событий. Действительно, именно Чартков должен был найти и купить портрет, именно ему, отмеченному Божественной печатью таланта, суждено было вступить в борьбу с мировым злом, победив сначала это зло в своей душе.

Историю искушений героя Гоголь воспроизводит почти полностью в соответствии с пушкинским сюжетом. Чартков приобретает портрет в то время, когда его талант уже пророчил многое: «вспышками и мгновениями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображением, шибким порывом приблизиться более к природе» (III, 67). Чтобы довести свой талант до совершенства и стать настоящим мастером, герою необходимы были терпение и усидчивость. Но нетерпеливая юность стремилась торопливо выплеснуться на полотно полнотой чувств и буйством красок. Поэтому так необходим во второй редакции повести образ профессора, наставляющего героя не свернуть с пути истинного, погнавшись за сиюминутной славой: «Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец» (III, 68). Но сила дьявольского портрета оказывается сильнее увещаний профессора.

Возвращаясь домой из картинной лавки на Щукином дворе, Чартков совершенно неожиданно почувствовал досаду и «равнодушную пустоту», которые только усиливались, пока он взбирался по лестнице, «облитой помоями и украшенной следами кошек и собак» (там же). А затем, когда он сидел в темной и холодной комнате, в нем впервые зародилась мысль о бесполезности его кропотливого труда. В первой редакции повести образ демона-ростовщика оживает на портрете и произносит речи, которые холодным ядом вливаются в душу героя и отравляют ее: «Что тебе за охота целые веки корпеть над азбукою, когда ты давно можешь читать по верхам? Ты думаешь, что долгими усилиями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь?» (III, 218). Эти вопросы отдаются в сознании голодного художника жестокой издевкой и вместе с тем открывают головокружительные перспективы в самом ближайшем будущем. Во второй редакции «Портрета» таинственное изображение безмолвствует, но оно незримо связано с сомнениями, которые одолевают молодого художника. Завуалированная фантастика в более позднем тексте повести свидетельствует о том, что зло коренится гораздо глубже в человеческой душе, чем мы это себе представляем.

Звон золота оказывается самым убедительным аргументом в споре демона и художника, и вся дальнейшая история Чарткова представляет собой историю его падения. У Пушкина нет этой трагической развязки. Гоголь же доводит историю до ее логического завершения в соответствии со своими представлениями о мире, которые, как известно, носили отчетливый эсхатологический характер. Бес отрицания, подстрекаемый к тому же бесом тщеславия, окончательно овладевает душой героя: «Нет, я не понимаю... напряженья других сидеть и корпеть за трудом. Этот человек, который копается по нескольку месяцев над картиною, по мне, труженик, а не художник. Я не поверю, чтобы в нем был талант. Гений творит смело, быстро. Вот у меня...» (III, 88). В своем ослеплении Чартков не видит, что он сам давно уже превратился в ремесленника, а его картины все более напоминают те «грязные малевания», которые он наблюдал в лавке на Щукином дворе.

Однако автор оправдывает своего героя. Художник проиграл не потому, что был слаб душой и нетерпелив. Наоборот, сила воли в нем была развита достаточно хорошо, и в нужный момент «он мог взять над собою власть» (III, 68). Он проиграл потому, что сила демона была чрезмерна. Она была настолько велика, что без труда проникла в чистую, неискушенную душу и подчинила ее себе. Не случайно Гоголь в первой редакции выбрал герою фамилию Чертков, подчеркнув таким образом его близость искусству рисования, черчения и вместе с тем указав на постепенное траги-

ческое сближение художника с чертом. Оттого и полны апокалиптического ужаса слова старого отшельника в первой редакции «Портрета»: «Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника» (III, 248).

В пушкинском творчестве дальнейшее развитие и завершение сюжет «Демона» получает в стихотворении «Ангел» (1827), в котором наблюдаются уже черты некоторой идеализации «духа отрицанья, духа сомненья». Но его идеальность проистекает из осознания величия и силы ангела, что свидетельствует о неизменном в пушкинских представлениях торжестве добра над злом и безотносительности Божественной справедливости. Пушкинский демон предстает теперь раскаявшимся, он покорно склоняет голову перед чистотой и святостью своего антипода, что не только наводит на мысль о возможности благополучного разрешения конфликта лирического героя и демона, представленного в стихотворении «Демон», но и возможности скорого возрождения «отпадшего ангела». Попытка воспроизвести этот образ на полотне, которую предпринимает гоголевский персонаж, тоже предполагает актуализацию сюжета гибели — возрождения.

Но тут Гоголь вступает в открытую полемику со своим гениальным современником и, ломая инерцию читательского восприятия, рассказывает чудовищную историю о том, как «отпавший ангел» Чартков, одержимый под конец еще и демоном зависти, уничтожает подлинные произведения искусства. Прозрение дарует герою истинное знание и понимание происходящего, но это только приближает его гибель. «Он только отрицает, — замечает по поводу завершения трагической судьбы Чарткова исследователь Л.К. Долгополов, — и это отрицание Гоголем возводится в степень демонического разрушительства» [3:92]. Преступив когда-то запретную черту, герой продолжает теперь дело дьявола и уничтожает остатки добра и истины, воплощенных в этих творениях. Вместо преображения мы наблюдаем окончательное обезображивание героя. И в этом нам видится проявление гоголевской апокалиптики, согласно которой гибель только в том случае влечет за собой возрождение, если она подкрепляется глубокой верой в Божественное провидение.

Таким образом, вслед за Пушкиным Гоголь разворачивает в рамках интересующих его проблем взаимоотношений искусства и действительности, искусства и религии сюжет искушения художника демоном, который представляется писателю одной из многочисленных разновидностей черта. Но если Пушкин в более позднем стихотворении представляет демона «отпавшим ангелом», у которого еще есть возможность возрождения, потому что он помнит о своем Божественном происхождении, то Гоголь, наоборот, рассказывает историю превращения художника в демона, духа зла, у которого уже нет пути назад. Гоголь трактует пушкинский сюжет в рамках своих эсхатологических представлений, что придает всей истории подлинно трагическое звучание. Судьба Чарткова, с одной стороны, является предостережением всему человечеству, с другой — несет на себе отчетливый отпечаток безысходности. Истинный же путь спасения и возрождения писатель видит в судьбе художника-отшельника, который, вооружившись священной верой, ценой чудовищных духовных усилий сумел побороть дьявольское наущение и исполнить свою великую миссию.

#### Примечания:

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7-ми томах. М., 1984. Т. 3. С. 91. Далее ссылки на это издание с указанием в скобках тома и страницы.
2. А.С. Пушкин. О стихотворении «Демон» // А.С. Пушкин. Собр. соч. в 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 25. Курсив в цитате автора. — А.П.
3. Долгополов Л.К. Гоголь в начале 1840-х годов («Портрет» и «Тарас Бульба»: вторые редакции в связи с началом духовного кризиса) // Рус. лит. 1969. № 2.